**Manfred Hildermeier, Elise Kimerling Wirtshafter,
eds., Church and Society in Modern Russia, Essays
in Honor of Gregory L. Freeze**

Aleksandr Lavrov

Édition électronique

URL : <http://journals.openedition.org/monderusse/10003>

DOI : 10.4000/monderusse.10003

ISSN : 1777-5388

Éditeur

Éditions de l'EHESS

Édition imprimée

Date de publication : 1 octobre 2016

Pagination : 905-910

ISBN : 978-2-7132-2542-0

ISSN : 1252-6576

Référence électronique

Aleksandr Lavrov, « Manfred Hildermeier, Elise Kimerling Wirtshafter, eds., Church and Society in Modern Russia, Essays in Honor of Gregory L. Freeze », *Cahiers du monde russe* [Онлайн], 57/4 | 2016, Выложить онлайн 01 octobre 2016, Наводить справки в 24 septembre 2020. URL : <http://journals.openedition.org/monderusse/10003> ; DOI : <https://doi.org/10.4000/monderusse.10003>

Manfred HILDERMEIER, Elise KIMERLING WIRTSHAFTER, eds.

Church and Society in Modern Russia

Essays in Honor of Gregory L. Freeze

Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 2015, x + 238 p.

Рецензируемый сборник статей посвящен семидесятилетию Грегори Фриза – первопроходца в области социальной истории духовного сословия в России. Статья Скотта Кентворзи (Scott Kenworthy), посвященная работам Фриза по истории религии и Церкви (которую составителям следовало разместить, скорее, в начале сборника, а не в конце его), очень точно показывает роль историка, благодаря которому изучение истории Церкви императорской России заняло полноправное место в американской славистике. Автор справедливо отмечает, что опубликованная тридцать лет назад статья Фриза «Служанка государства» до сих пор «не теряет своего значения» (р. 217)¹. Добавим, что эта статья, заголовок которой является полемическим ответом на название главы о Церкви в книге Ричарда Пайпса «Россия при старом режиме»², достаточно точно позиционировала и самого историка, и намеченное им направление в контексте 1980-х гг. Кентворзи отмечает, что новаторский характер работ Фриза был связан с двумя выводами: о том, что необходимо привлечение новых, неопубликованных источников, а также о том, что нужно искать новые сюжеты, не ограничиваясь традиционной темой церковно-государственных отношений (р. 214).

Работы, опубликованные в сборнике, можно разделить на несколько тематических блоков: приход и народная религия, социальная история духовенства и его дискурсы, альтернативная религиозность, а также взаимоотношения российских евреев с Церковью и государством. К каждой из этих тем в свое время обращался Грегори Фриз.

С приходом и «народной религией» связаны статьи Т.Г. Леонтьевой и Яна Шурера (Jan M. Surer). Статья Т.Г. Леонтьевой, посвященная сельскому приходу в пореформенной России, оказывается одной из наиболее концептуальных и наиболее созвучных подходам Фриза. В значительной мере это связано с удачно выбранным локальным материалом: Тверская губерния не только типична для центральной России, но и является местом действия образовательных экспериментов С.А. Рачинского. Исследовательница показывает вовлеченность крестьянства в церковные дела на примере деятельности церковных старост и попечительств. Леонтьевой удастся осветить как те вопросы, в которых сформировалась зависимость духовенства от крестьян-прихожан (например, постройка домов для членов причта), так и те области, в которых крестьянам пришлось для решения общих задач прилагать свои усилия (например, приходские школы). В своей оценке приходских школ, особенно насаждавшихся в обер-прокуратурство К.П. Победоносцева, Леонтьева порывает с историографической традицией, видящей в них лишь

элемент церковной «контрреформы», и старается подчеркнуть вовлеченность приходской общины в организацию образования. В своей работе, написанной на материале Киевской митрополии, Ян Шурер справедливо замечает, что в качестве объекта исследования обычно выбираются русские епархии. Особенности церковной жизни на селе в пореформенное время здесь оказываются роль католических и греко-католических элементов в религиозной идентичности, а также противостояние, вызванное появлением «штунды» - нового религиозного движения, возникшего среди православных под влиянием протестантизма. Вслед за Хитером (Heater) и Колманом (Coleman), автор показывает, что основной проблемой штундистов были не только правительственные преследования, но и обструкция со стороны односельчан. Правда, среди примеров, приведенных автором, нет погромов, но зато есть многочисленные призывы выслать так называемых «сектантов»³.

В том, что касается церковных элит и их дискурса, нельзя не отметить удачное построение сборника, в котором нашлось место и епископам, и монашествующим, и белому духовенству. Статья Элизе Виртшафтер посвящена проповедям митрополита Платона (Левшина), Марлин Миллер исследует роль игумений в петербургский период истории Церкви, а Б.Н. Миронов ставит вопрос о жизненном уровне приходского духовенства. Статья Виртшафтер развивает идеи, ранее высказанные в ее монографии, посвященной дискурсу проповедей Платона (Левшина). Выбрав для анализа проповеди, объединенные одним сюжетом – введением Богородицы во Храм, исследовательница вновь выдвигает своей тезис о совместимости идей Просвещения с христианскими истинами в том виде, в котором Платон (Левшин) представлял их в своих проповедях⁴. Особый интерес представляет здесь замечание исследовательницы об употреблении Платоном понятия «внутренней церкви (the inner temple)» (р. 29). При этом Виртшафтер опирается на концепцию «религиозного Просвещения», предложенную Дэвидом Соркиным⁵. Крайне интересной, но неровной, является статья Марлин Миллер об игумениях. Исследовательница пробует очертить реальную компетенцию игуменьи, охарактеризовать ее отношения с представителями белого и черного духовенства, епископом и консисторскими чиновниками. Очень важно, что автор основывается не на нормативных актах, а на реальных ситуациях, описанных по архивным материалам. Наиболее интересным является сюжет о выборах кандидатки в игуменьи в первой половине XVIII века, которые проводила вся монастырская корпорация, в присутствии представителей белого и черного духовенства и мирян (1769 г., р. 107). По мнению исследовательницы, выборы в XIX заменяются поставлением по епископскому назначению. К сожалению, для того чтобы выводами этого исследования можно было пользоваться, недостает трех моментов. Прежде всего, надо было бы создать что-то вроде периодизации истории женского монашества в России, которая позволила бы лучше систематизировать скопившийся материал. Кроме этого, необходимо прояснить, какую роль в аргументации играет общерусский уровень, какую – избранный локальный

случай (Владимирская епархия), и какую – конкретные обители, с фондами которых автор плодотворно работала. Наконец, отказ от использования имеющейся историографической традиции неизбежно оборачивается тем, что автор делает работу, уже проделанную другими исследователями⁶.

Статья Б.Н. Миронова, посвященная изучению уровня жизни духовенства в России в XVIII-XIX вв., приводит читателя к ожидаемому выводу о том, что этот уровень жизни неуклонно возрастал вплоть до кануна Первой мировой войны. В качестве доказательства историк делит количество приходов, клириков и священников на количество православных верующих, показывая, что если в 1760-х гг. на одного священника приходилось 782 верующих, то в 1904 г – уже 2 052 (р. 55). По мнению автора, это приводило к механическому росту плат за требоисполнение, которые занимали центральное место в доходах духовенства. Одновременно автор просчитывает своего рода «корзину», которую рядовые верующие оплачивали в течение одного года. К сожалению, подсчеты автора носят гипотетический характер. Во-первых, автор завышает размеры семейной «корзины», когда утверждает, «что в каждой семье в течение года хотя бы один раз серьезно заболел какой-нибудь член семьи и в связи с этим в дом приглашался священник для совершения соборования» (р. 58). Последнее маловероятно: случаи выздоровления больных после соборования характеризуются мемуаристами как из ряда вон выходящие. Таким образом, для правдоподобности подсчетов следовало бы объединить плату за соборование и за отпевание, поскольку первая и вторая обычно выплачивалась по одному и тому же случаю. Во-вторых, автор не учитывает секуляризации российского общества в XIX в., выразившей и в том, что требы не заказывались и не оплачивались. В третьих, автор исходит из подсчета доходов на одного клирика (кормильца своей семьи), откуда возникает возможность сравнения с доходами одного офицера или чиновника. На самом деле, речь идет о доходах семьи священника, которая кардинально отличалась от семьи чиновника или офицера – в других своих работах Б.Н. Миронов регулярно упоминал о том, что семьи духовенства напоминают по своей демографической структуре крестьянские семьи. Если прибавить, что духовенство было единственным российским сословием, почти не имевшим холостяков, то станет ясно, что реальные доходы, поделенные на членов семьи, должны были оказываться систематически ниже, чем у чиновников или офицеров.⁷ В итоге, вся эта конструкция дает неплохой уровень жизни духовенства, который, по мнению автора, может объяснить и некоторые антиклерикальные настроения среди крестьян – мысль очень интересная, но абсолютно не разработанная в статье.

Альтернативные религиозные движения представлены в сборнике старообрядцами и «чуриковцами». В своей статье Рой Робсон прослеживает попытки объединения старообрядцев после указа о веротерпимости 1905 г. В статье предложена ясная и четкая концепция: в то время как поповцы (старообрядцы, признающие священство) сделали на своем съезде (1905 г.) реальные шаги к объединению, беспоповцы использовали возможность

открытых дискуссий для обсуждения частных вопросов, связанных с запретами. Первое стало возможно благодаря кружку «неостарообрядцев», вдохновленному П.П. Рябушинским, стремившимся вписать старообрядчество в думскую монархию, для чего неплохо было бы смягчить беспоповские декларации о царстве антихриста, которые с политической точки зрения могли читаться как субверсивные. Робсон показывает, что эта инициатива поповцев не получила достойного ответа со стороны беспоповцев вплоть до конца старого режима.

Пейдж Херрлингер (Page Herrlinger) посвящает свою статью роли женщин в движении «братца» Иоанна Чурикова. Стремясь перейти к гендерным ролям внутри движения, исследовательница сначала останавливается на его характеристике, так что у читателя возникает ощущение, что речь идет об одном из харизматических лидеров, которые как раз в это время появлялись как в ограде Церкви, так и вокруг нее. В прорисовке фигуры Чурикова Херрлингер оказывается под некоторым влиянием работы Надежды Киценко о Иоанне Кронштадтском. Отмечая роль «сестер» в движении чуриковцев, автор замечает, что оно влияло и на позицию церковных элит, колебавшихся между двумя подходами – «кооптацией народной религии» или санкционированием сомнительных практик. Впрочем, в том что касается санкционирования, Херрлингер несколько преувеличивает, когда отмечает, что за сектантские взгляды Чуриков был наказан отлучением (excommunication) в 1914 г. (р. 114) – на самом деле, речь идет только о малой епитимии⁸.

Тематический блок, посвященных российским евреям, складывается из двух статей, в равной степени отмеченных мастерством. Статья ЧайРан Фриз (ChaeRan Y. Freeze) посвящена обращению евреев в православие, на примере деятельности Мариинско-Сергиевского приюта. Исследовательница выделяет две группы факторов, которые осложняли конфессиональную пропаганду среди российских евреев. К первой группе относятся чисто религиозные факторы: российских евреев отталкивало почитание икон и мощей – один из обращенных рассказывает о своем страхе перед процессиями с иконами. Ко второй группе относятся проблемы социализации: православные миссионеры не предполагали, что новообращенным сложно будет сохранять новую идентичность, оставаясь в старом окружении. Создать какую-то новую среду, новую социальную идентичность не получалось, так что некоторые новообращенные буквально бедствовали, потеряв свою старую социализацию и не обретя новой. Статья Джонатана Декел-Чен (Jonathan Dekel-Chen), посвященная «еврейскому вопросу» в русской предреволюционной периодике, читается как конспект монографии. Автор выбирает для анализа «Московские ведомости», «Речь» и «Копейку». И респектабельные послекатковские «Московские ведомости», и кадетская «Речь» ожесточенно полемизировали с «Новым временем», выступая против дискриминации евреев, а также и используя эту дискриминацию, как законный повод для того, чтобы привлечь внимание и к другим случаям дискриминации по религиозному или национальному признаку. Такова была позиция, которую обе газеты занимали

накануне и во время дела Бейлиса. Гораздо более неожиданным является то, что подобной же позиции придерживалась и газета «Копейка». На страницах всероссийского таблоида евреи выступают как законопослушные подданные империи. Было бы интересно сравнить астрономические тиражи «Копейки» с суммарным тиражом ежедневной черносотенной прессы. Выводы автора здесь настолько важны, что, кажется, к ним надо будет возвращаться снова.

По крайней мере две статьи представляются далекими по отношению к теме сборника. Статья Манфреда Хильдермайера о «русской отсталости». Это выражение настраивает читателя на очерк, посвященный истории данного понятия в российском дискурсе. Однако автор, сознательно противопоставляющий себя постмодернистским подходам (что само по себе заслуживает уважения), рассматривает отсталость именно в позитивистском смысле, то есть как реальное «отставание» российской экономики по отношению к некоторым западным примерам. Здесь Манфред Хильдермайер позиционирует себя как принципиальный оппонент Александра Гершенкрона, при этом не успевая дать какое-либо изложение идей своего оппонента⁹. При этом он делает несколько тонких замечаний – например, о том, что российская экономика оказывалась более эффективной, нежели современники или историки это полагали. Поскольку о критериях такого «отставания» можно спорить, статья перерастает в попытку типологии некоторых технологических и идейных трансфертов, осуществленных с Запада на Восток в XV-XIX вв. (в связи с чем приходится пожалеть о том, что это никак не отражено в заголовке статьи). Учитывая небольшой объем статьи, многие важные вопросы остаются никак не затронуты. Во-первых, уже в работах классиков (Michel Espagne) было замечено, что трансферты часто имеют двусторонний характер, что идеи, родившиеся в Западной Европе и воспринятые в России, могут там перерабатываться и запускаться обратно (исследователи Священного Союза могут многое рассказать об этом). Во-вторых, какая-то общая типология «западных» заимствований в России не может быть создана без обращения к «восточным» заимствованиям – и тут-то начинаются сложности, потому что первые хорошо изучены, а вторые почти всегда оспариваются в историографии.

К сожалению, то же самое приходится сказать и об изящном исследовании М. Бабкина, посвященном обсуждению вопроса о праве епископов передавать свое частное имущество по наследству в 1917 г. Исследователь сопоставляет два подхода – петровский, признававший Церковь единственной наследницей всех монашествующих, и екатерининской, предполагавшей исключения для епископов. По мнению автора, Поместный собор 1917 г. принял парадоксальное решение, запретив избираемому патриарху передавать имущество по наследству, что поставило его в иное положение по сравнению с епископством. Эти наблюдения очень интересны, но их ценность даже для современников этих событий была поставлена под сомнение одним фактом – декретом от 27 апреля 1918 г. ВЦИК отменил право наследования вообще, для всех граждан республики – как верующих, так и неверующих¹⁰.

- 1 – G. Freeze “Handmaiden of the State? The Orthodox Church in Imperial Russia Reconsidered”, *Journal of Ecclesiastical History*, 36, 1985, p. 82-102. Актуальность идей Фриза для современной российской историографии засвидетельствована следующей полемикой: П.Г. Рогозний, «Синодальная церковь, общественное и революционное движение, или почему духовенство приветствовало революцию?», *Историческая экспертиза*, № 4, 2015, с. 142-153. С.Л. Фирсов, «Была ли церковь служанкой государства?» Там же, с.154-161.
- 2 – См.французский перевод: Richard Pipes, *Histoire de la Russie des tsars*, trad. Andrei Kozovoi, P. : Perrin, 2013.
- 3 – Большой интерес представляют сведения о книгах, конфискованных у штундистов – среди них находятся не только листовки, изданные Пашковым, но и один текст Владимира Соловьева (р. 196-197). Это заставляет несколько иначе взглянуть на идею, ставшую *idée fixe* русских консерваторов со времени Победоносцева – идею о том, что элитарные формы религиозного разномыслия могут соединиться с идущим снизу движением.
- 4 – E.K. Wirtschafter, *Religion and Enlightenment in Catherinian Russia: The Teachings of Metropolitan Platon*, DeKalb: North Illinois University Press, 2013.
- 5 – D. Sorkin, *The Religious Enlightenment: Protestants, Jews and Catholics from London to Vienna*, Princeton: Princeton University Press, 2008. Написанная в эссеистской манере книга Соркина представляет собой сборник биографий религиозных деятелей XVIII века, взгляды которых так или иначе пересекались с идеями Просвещения. Нетрудно заметить, что вся история Просвещения во Франции не укладывается в эту концепцию, в результате этого автор вынужден объявить французский случай исключением. Учитывая особую связь французского и русского Просвещения, следует быть крайне осторожным при механическом проецировании идей Соркина на Россию в XVIII веке.
- 6 – Автор не знаком со следующими работами: A. Schmäling, *Hort der Frömmigkeit – Ort der Verwahrung: Russische Frauenklöster im 16.-18. Jahrhundert*, Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2009 (см. мою рецензию: http://www.perspectivia.net/%20publikationen/recensio-moskau/2010-3/lavrov_schmaehling); S. Dahlke, “Old Russia in the Dock: The Trial Against Mother Superior Mitrofaniia before the Moscow District Court (1874)”, *Cahiers du Monde russe*, 53 (1), 2012, p. 95-120.
- 7 – Можно сказать, что Б.Н. Миронов один раз только вспоминает о том, что в семьях духовенства было до 4-5 детей и что расходы на их образование были велики (р. 75). Но здесь идет речь именно о расходах, тогда как представляется, что неправильно подсчитаны доходы.
- 8 – Н.Г. Зарембо, «Духовные власти Санкт-Петербурга и народное трезвенническое движение чуриковцев (1907-1914 гг.)», *Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И.Герцена*, № 126, 2010, с. 30-35.
- 9 – См. недавнее переиздание этих работ : А. Гершенкрон, *Экономическая отсталость в сравнительной перспективе*, М.: Изд. дом Delo, 2015.
- 10 – *Декреты Советской власти*, том II, 17 марта – 10 июля 1918 г., Москва, 1959, с. 187-190.

Aleksandr Lavrov
Université Paris-Sorbonne